

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-42-52

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Макеева Ю. К.

Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318

Поступила в редакцию 22.03.2025

После доработки 10.04.2025

Принята к публикации 24.04.2025

Аннотация

Цель. Анализ подходов учёных и практиков в сфере репродуктивных прав человека, выявление правовой природы данных прав и пределов конституционно-правовой защиты в РФ сквозь призму современной практики Конституционного Суда РФ.

Процедура и методы. Основным методом научного исследования выступил формально-юридический, при помощи которого были проанализированы положения действующих правовых актов в сфере закрепления и реализации репродуктивных прав человека, а также судебная практика их применения. Также были использованы общенаучные методы: анализа, обобщения, логический и др.

Результаты. Сформулированы положения относительно правовой природы репродуктивных прав, особенностей их реализации и защиты с опорой на практику Конституционного Суда РФ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны в сфере дальнейшего исследования репродуктивных прав и свобод, а также учтены правоприменителями.

Ключевые слова: репродуктивные права, соматические права, Конституционный Суд РФ, защита прав

Для цитирования:

Макеева Ю. К. Репродуктивные права человека сквозь призму практики Конституционного Суда РФ // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 42–52. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-42-52>.

Original research article

REPRODUCTIVE RIGHTS THROUGH THE LENS OF THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yu. Makeeva

V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318

Received by the editorial office 22.03.2025

Revised by the author 10.04.2025

Accepted for publication 24.04.2025

Abstract

Aim. To analyze approaches of scientists and practitioners in the field of reproductive rights, identification of the legal nature of these rights and the limits of constitutional legal protection in the Russian Federation through the prism of modern practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Methodology. The main method of scientific research was the formal-legal method, which was used to analyze the provisions of existing legal acts on the consolidation and implementation of human reproductive rights, as well as the judicial practice of their application. General scientific methods: the method of analysis, generalization, the logical method, etc., were also used in the study.

Results. The study made it possible to formulate provisions regarding the legal nature of reproductive rights, the specifics of their implementation and protection, based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Research implication. The results of the study can be useful for further research on reproductive rights and freedoms, as well as for law enforcement agencies.

Keywords: reproductive rights, somatic rights, Constitutional Court of the Russian Federation, protection of rights.

For citation:

Makeeva, Yu. K. (2025). Reproductive Rights Through the Lens of the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 42–52. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-42-52.

Введение

Репродуктивные права ввиду стремительного развития медицины, биотехнологий и достижений научно-технического прогресса являются в настоящее время одним из активно развивающихся видом прав человека. Данный факт приводит, в свою очередь, к значительному интересу научного сообщества к исследованиям в данной сфере. За последние годы число таких публикаций заметно возросло. В числе работ по данной проблематике можно назвать труды Е. В. Бурмистровой [1], Д. Г. Василевича, С. В. Потапенко, В. В. Гончарова, М. С. Савченко [2], Н. С. Колесова [3], В. И. Крусса [4], М. В. Посадковой [5], А. А. Троицкой [6], А. С. Шатилина [7] и др.

Однако, несмотря на активное научное исследование данного вопроса, в настоящее время остаётся большое количество нерешённых теоретических и практических проблем в сфере закрепления и реализации репродуктивных прав. Не сложилось единого подхода к определению понятия, природы, содержания, субъектного состава и других особенностей данной группы прав.

На конституционном уровне как самостоятельные конституционные права репродуктивные права не закрепляются. Чаще всего они выводятся из других конституционных прав, а их регулирование отнесено на уровень законодателя или уровень исполнительных органов власти.

В настоящем исследовании будет проведён анализ правовой природы, субъектного состава и содержания репродуктивных прав человека сквозь призму позиций Конституционного Суда РФ, перед которым неоднократно данные проблемы уже вставали. В. Д. Зорькин отмечает, что вопросы в этой области новейших прав воспринимаются в общественном сознании наиболее чувствительно, а от конституционной юстиции общество ждёт согласования юридического и этического, в т. ч. в сфере содержания и ограничений репродуктивных прав [8, с. 89].

Данное исследование должно способствовать определению пределов защиты репродуктивных прав в России в настоящий период развития государства.

Понятие, правовая природа и виды репродуктивных прав

Как было отмечено выше, вопрос о природе, содержании, субъектном составе и других особенностях репродуктивных прав является дискуссионным.

В науке достаточно часто встречаются суждения, что репродуктивные права – это права нового поколения. Однако данный тезис представляется частично спорным. Вряд ли, право на продолжение рода или право на репродуктивное самоопределение можно отнести к новым правам. Н. В. Варламова справедливо подчёркивает, что «постоянная пролиферация прав человека – неизбежное и необходимое следствие социального развития. Но стремление обосновать появление принципиально новых видов не способствует лучшему обеспечению прав человека, а скорее отвлекает от реальных проблем, связанных с их реализацией. Именно чёткое понимание природы новых прав человека как прав первого или второго поколения либо выделение в содержании комплексных прав соответствующих притязаний позволяет определить характер обязательств, обеспечивающих их реализацию, необходимые и допустимые ограничения, адекватные средства защиты» [9, с. 555].

Следует отметить, что непосредственно репродуктивные права конституционного закрепления в России не имеют. Анализ мнений учёных и практики международных, иностранных и национальных судов позволяет сделать вывод, что репродуктивные права чаще всего связывают и выводят из права на неприкосновенность частной жизни и из права на охрану здоровья. Так, Конституционный Суд РФ, например, в Постановлении № 6-П от 11.02.2025 г. обозначил, что «использование вспомогательных репродуктивных технологий представляет собой один из способов реализации гарантируемого ст. 41 Конституции Российской Федерации права на охрану здоровья и медицинскую

помощь, которое способствует деторождению и развитию института семьи»¹.

Помимо этого, в науке подчёркивается, что смысловой фон репродуктивных прав в Конституции РФ не просто присутствует, а был заметно усилен в ходе реформирования конституционного текста в 2020 г. (п. ж.¹ ч. 1 ст. 72 «брак союз мужчины и женщины»; ч. 5 ст. 67.¹ «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики»; п. «в» ч. 1 ст. 114 к полномочиям правительства отнесено «проведение единой социально-ориентированной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей») [10, с. 456]. Данные положения Конституции РФ позволяют учёным и практикам в репродуктивных правах находить конституционные основы и выстраивать линии защиты с помощью конституционно-правовых средств.

Нормативной дефиниции репродуктивные права граждан на федеральном уровне в России не имеют. В нормативных актах разного уровня чаще встречается термин «репродуктивное здоровье»². Единственным актом на уровне субъекта РФ, где даётся определение репродуктивных прав, является Закон Республики Саха (Якутия), согласно которому под «репродуктивными правами граждан понимаются права на охрану репродуктивного здоровья, принятие и реализацию решения относительно рождения или отказа от рождения детей в браке или вне брака, методов зачатия и рождения детей, их числа, времени и места рождения, интервалов между рождениями, а также на медико-социальную, информационную и консультативную помощь в данной области»³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // Российская газета. 2025. № 41.

² См.: например: Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1940 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СПС Консультант Плюс.

³ Закон Республики Саха (Якутия) от 18.06.2009 № 718-3 № 317-IV «О сохранении репродуктивно-

В науке под репродуктивными правами в широком смысле предлагается понимать не только права, позволяющие появиться на свет новому человеку, но и ряд прав, связанных с восстановлением и поддержанием репродуктивной способности человеческого организма, а также право на искусственное прерывание беременности [2, с. 151].

Таким образом, репродуктивные права – это целый комплекс прав, связанных с продолжением человеческого рода. Чёткого перечня данных прав в настоящее время не существует, более того – это права, которые активно развиваются и тесно связаны с достижениями в сфере науки, медицины и медицинских технологий, поэтому вполне логично предположить, что каталог данных прав может быть расширен в будущем в виду новых научных открытий.

На уровне СНГ была предпринята попытка зафиксировать перечень прав, которые можно отнести к категории репродуктивных. Так, в Модельном законе «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан», принятом в рамках Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, к репродуктивным правам граждан относятся: «право на свободное и ответственное принятие и осуществление решений в репродуктивной сфере (право на репродуктивный выбор); право на охрану репродуктивного здоровья; право на информацию в области охраны репродуктивного здоровья и репродуктивных прав, включая право на информацию о своём репродуктивном здоровье; право на информацию и конфиденциальность информации в репродуктивной сфере; право на лечение бесплодия, в т. ч. с применением современных вспомогательных репродуктивных методов и технологий, разрешённых национальным законодательством; право на планирование семьи; право на безопасное материнство; право на безопасное искусственное прерывание беременности; право на медицинскую стерилизацию; право на донор-

ство половых клеток; право на криоконсервацию и хранение половых клеток»¹.

Данный перечень на первый взгляд максимально учитывает все виды репродуктивных прав к настоящему времени, однако его следует дополнить естественным правом человека – правом на продолжение рода, которое предопределено самой природой людей. Именно из этого права вытекают и формируются все остальные репродуктивные права. Выделение данного права как самостоятельного личного права признаётся многими учёными [4; 11 и др.]. Конституционный Суд РФ в своей практике также признаёт, что потребность в продолжении рода и осуществлении родительской заботы и воспитании детей – это естественная потребность человека².

Таким образом, если отталкиваться от вышеуказанного перечня прав, то можно прийти к выводу, что в нём присутствуют права естественного происхождения, личные, абсолютные, неразрывно связанные с самой природой человека и автономией его личности (право на продолжение рода, право на репродуктивный выбор (репродуктивное самоопределение)), а есть права, которые возможно отнести к социальным, относительным правам, наличие или отсутствие которых в конкретном государстве тесно связано с уровнем развития самого государства, уровнем здравоохранения, медицины, технологий и др. (право на использование вспомогательных репродуктивных технологий, право на криоконсервацию биологического репродуктивного материала и проч.).

От определения правовой природы отдельных репродуктивных прав, собственно, зависит конституционно признаваемое

¹ Постановление № 41-21 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном законе “Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан”» (Принято в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014) // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СПС Консультант Плюс.

го здоровья населения на территории Республики Саха (Якутия)» // СПС Консультант Плюс.

мая степень возможного вмешательства государства в их реализацию и обеспечение соответствующими гарантиями¹. Так, например, М. В. Посадкова считает, что «к настоящему времени сформировались условия для обособления репродуктивного права на рождение ребёнка с использованием вспомогательных технологий и его защиты в качестве самостоятельного конституционного права» [5, с. 74]. Учёный подчёркивает, что «вопрос о форме конституционализации (включение в конституционный текст, законодательное закрепление либо признание органом конституционного контроля) хотя и крайне важен для эффективной реализации права, тем не менее вторичен и произведен от достижения научного и общественного консенсуса, фиксирующего связанность нового права с фундаментальными конституционными ценностями автономии, семьи и здоровья» [5, с. 74].

В науке предлагаются и другие классификации репродуктивных прав. Так, С. М. Велиева предлагает в зависимости от поведения субъекта классифицировать репродуктивные права на позитивные, негативные и охранительные. К позитивным репродуктивным правам при этом относятся права, связанные с активным поведением субъектов, направленным на воспроизводство потомства (суррогатное материнство, ЭКО); а к негативным репродуктивным правам – права, связанные с активными и пассивными действиями, совершаемыми с целью лишения возможности к репродукции (медицинская стерилизация, контрацепция, прерывание беременности); к охранительным репродуктивным правам – права, связанные с действиями граждан, государственных органов и учреждений, совершаемыми для обеспечения и нормального функционирования данной сферы общественных отношений (обеспечение безопасных родов, профилактика заболеваний, обеспечение

доступности высокотехнологической медицинской помощи и т. д.) [12, с. 81].

Учёные характеризуют репродуктивные права как комплексные. В репродуктивных правах выделяют дуальную природу: с одной стороны, при реализации репродуктивных прав должна учитываться автономия личности, с другой – вопрос рождения детей имеет и государственное значение, в этой связи обязанности органов государственной власти могут носить как негативный характер (т. е. не вторгаться в автономию личности), так и позитивный (создавать условия для реализации репродуктивных прав).

Таким образом, под репродуктивными правами считаем возможным понимать группу прав, связанных с возможностью человека иметь детей при признании за ним свободного репродуктивного выбора (самоопределения), а также права на охрану репродуктивного здоровья, на медико-социальную информированную и консультативную помощь в этой сфере.

По природе часть репродуктивных прав можно отнести к правам естественным, основным, где государство должно признать право, не вмешиваться в его реализацию и обеспечить его защиту. Вторая часть репродуктивных прав должна быть отнесена к относительным, и к ним принадлежат репродуктивные права, которые находятся в прямой зависимости от возможностей государства и уровня его развитости в репродуктивной сфере.

Субъектный состав носителей репродуктивных прав

Как было отмечено выше, право на естественное продолжение рода должно быть признано государством за всеми гражданами при безусловном принятии репродуктивного выбора человека. Соответственно, признавая данное право в качестве такового, государство не должно вмешиваться в его реализацию и обязано обеспечить его защиту в случаях нарушения.

Интересен в этой связи вопрос о наличии репродуктивных прав у лиц, находя-

¹ Здесь имеются в виду совершенно различные модели государственного регулирования вопросов, связанных с абортami, с количеством детей в семьях и др.

щихся в местах лишения свободы и ограниченных в социальных контактах.

В российской практике известно решение Конституционного Суда РФ по жалобе Н. В. Королева и В. В. Королевой, которые полагали, что запрет на длительные свидания в первые 10 лет для лиц, содержащихся в колониях строго режима, исключает естественное зачатие ребёнка, что при невозможности применения вспомогательных репродуктивных технологий является жестоким и бесчеловечным обращением и наказанием, нарушением права на семейную жизнь, в т. ч. лица, не совершавшего преступлений против общества и государства, и тем самым противоречит Конституции государства.

Конституционный Суд РФ с опорой на ранее принятые решения ЕСПЧ по делу Хорошенко против России¹, и выработанные самим КС РФ позиции о праве осуждённых к лишению свободы на длительные свидания с близкими счёл конституционные права граждан в данной ситуации также нарушенными и обязал законодателя урегулировать данный вопрос, предоставив возможность длительных свиданий². Таким образом, Конституционный Суд РФ фактически признал за лицами, находящимися в метах лишения свободы, право на продолжение рода естественным путём.

Следует отметить, что в мировой практике есть случаи, когда за лицами, содержащимися в исправительных учреждениях, признавалось право на использование вспомогательных репродуктивных тех-

нологий с целью реализации права иметь детей³.

Согласно российскому закону, если речь идёт не о естественном деторождении, то к помощи вспомогательных репродуктивных технологий могут прибегнуть далеко не все.

Ограничения есть как в отношении иностранных граждан, так и в отношении одиноких мужчин, а если речь идёт о суррогатном материнстве, то существуют и обязательные другие условия для субъектов этих правоотношений.

Так ч. 3 ст. 55 ФЗ № 323-ФЗ закрепляет, что «право на применение вспомогательных репродуктивных технологий имеют мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, а также одинокая женщина при наличии её информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке»⁴.

Отдельные положения данного закона попадали в фокус внимания Конституционного Суда РФ с точки зрения наличия в таких нормах дискриминации. Так, приведённые законоположения не относят одинокого мужчину, единолично изъявившего желание стать отцом с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, к числу лиц, имеющих безусловное право на их применение, и не указывают его в качестве потенциальной стороны договора о суррогатном материнстве. Конституционность

¹ Постановление ЕСПЧ от 30.06.2015 «Дело «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04). По делу обжалуется ограничение контактов заявителя, отбывающего пожизненное тюремное заключение, с членами семьи. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой» // Официальный интернет-портал правовой информации.

³ Информация о постановлении ЕСПЧ от 04.12.2007 по делу «Диксон (Dickson) против Соединённого Королевства» (жалоба № 44362/04) По делу обжалуется отказ в обеспечении искусственного оплодотворения. По делу допущено нарушение требований ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

такого положения закона косвенно подтверждена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 29.06.2021 г. № 30-П. Конституционный Суд РФ, апеллируя к нормам о том, что брак – это союз мужчины и женщины (п. ж.¹ ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), к представлениям, сложившимся в российском обществе, о традиционной модели семейных отношений, также предполагающей основанный на принципе добровольности брачный союз мужчины и женщины, вполне оправданным считает правовое регулирование, согласно которому обращение к суррогатному материнству прежде всего допускается для супружеских пар, которые по объективным причинам (состояние здоровья) не могут самостоятельно выполнить репродуктивную функцию¹.

В 2022 г. ст. 55 ФЗ-№ 323 была дополнена ч. 11, которая закрепила, что «один из потенциальных родителей (генетическая мать или генетический отец) или оба потенциальных родителя (генетическая мать и генетический отец) либо одинокая женщина (генетическая мать), которые решили воспользоваться суррогатным материнством, должны иметь гражданство Российской Федерации»². Субъекты законодательной инициативы исходили из того, что «главная задача нашего государства – гарантировано защитить будущее России, наших детей, от внешних и внутренних угроз, а также чётко прогнозировать потенциальные вызовы и риски»³.

В пояснительной записке к законопроекту было подчёркнуто, что одним из наиболее важных факторов высокой степени латентности преступлений против детей в данной сфере является то, что дети, рождённые на территории Российской Федерации в результате применения сур-

рогатного материнства, не приобретают гражданства РФ, поскольку оба лица, являющиеся генетическими родителями ребёнка и записанные родителями в свидетельстве о рождении ребёнка, не являются гражданами Российской Федерации. Часто родители-иностранцы производят государственную регистрацию рождения ребёнка в консульстве государства гражданства и получают свидетельство образца этого государства. Этим объясняется отсутствие оснований для последующего контроля за судьбой этих детей со стороны российских компетентных органов и возможности ведения полноценного статистического учёта случаев нарушения прав таких детей.

Авторы законодательной новеллы привели массу примеров преступлений, связанных с суррогатным материнством, а также печальной судьбы детей, рождённых суррогатными матерями в России для иностранных граждан, в т. ч. дело Парадизо и Кампанели против Италии⁴. Исходя из тяжести преступлений, совершённых в отношении детей, рождённых суррогатными матерями для иностранных граждан и лиц без гражданства, высокой степени латентности указанных преступлений, а также из того, что несовершеннолетние – это наиболее психологически уязвимая и незащищённая группа людей, количества выявленных случаев, авторам законопроекта представляется доказательным и обоснованным введение полного запрета для иностранных граждан и лиц без гражданства прибегать к программам суррогатного материнства на территории Российской Федерации»⁵. Данное нововведение представляется действительно оправданным.

Ещё одним не вполне очевидным ограничением права стать родителями посредством использования суррогатного материнства является требование, согласно

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 г. № 30-П // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

³ Проект Федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.12.2021) // СПС Консультант Плюс.

⁴ ECtHR. *Paradiso and Campanelli v. Italy* [GC]. Application no. 25358/12. Judgment of 24 January 2017.

⁵ Проект Федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.12.2021) // СПС консультант Плюс.

которому потенциальными родителями могут быть мужчина и женщина, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребёнка невозможны по медицинским показаниям. Т.е. исключается возможность комбинированного подхода вспомогательных репродуктивных технологий, когда у одного из пары нет возможности по медицинским показаниям предоставить свои половые клетки. Конституционность такого варианта правового регулирования Конституционным Судом РФ под сомнение поставлена не была¹. Однако, по мнению А. А. Троицкой и О. С. Шевченко, в таком подходе законодателя можно увидеть признаки дискриминации по полу и состоянию здоровья [6].

Таким образом, законодатель может вводить различные ограничения в части определения субъектов – носителей репродуктивных прав человека. Для оценки правомерности тех или иных ограничений можно использовать выработанные методы в юриспруденции относительно соразмерности, пропорциональности таких ограничений, в т. ч. в практике Конституционного Суда РФ.

Момент возникновения и прекращения репродуктивных прав

Момент возникновения и прекращения репродуктивных прав, которые мы отнесли к категории относительных и производных от права на охрану здоровья, может быть урегулирован законодателем. Так, например, «медицинская стерилизация как специальное медицинское вмешательство в целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции может быть проведена только по письменному заявлению гражданина в возрасте старше 35 лет или

гражданина, имеющего не менее 2 детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина – независимо от возраста и наличия детей»; а право на искусственное прерывание беременности связано со сроком такой беременности и может быть выполнено лишь в определённый период².

Момент возникновения права воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями может быть связан не только с возрастом, но и с иными факторами, указанными в законе.

Интересный вопрос был поставлен перед Конституционным Судом РФ гражданкой М. Ю. Щанниковой. С одной стороны, репродуктивные права должны признаваться за гражданами при жизни. Однако современная медицина ввиду своего развития ставит вопрос о возможности продолжения рода и после смерти гражданина.

В решении от 11.02.2025 № 6-П Конституционный Суд РФ обращает внимание, что «научно-технический прогресс привёл к разработке и внедрению в сфере медицины вспомогательных репродуктивных технологий ...Накопленный опыт регулирования свидетельствует о том, что в этой сфере не исключается возможность определённого отставания нормативной регламентации от развития соответствующих технологий и связанных с их применением общественных отношений».

Конституционный Суд РФ, оценивая применение в России постмортальной репродукции, которая стала применяться сравнительно недавно и предполагает использование криоконсервированного репродуктивного материала умерших лиц (взятого при их жизни или в первые часы после смерти) с целью зачатия и рождения детей после смерти одного или даже обоих биологических родителей, пришёл к выводу, что в отсутствие прямых запретов в правовом регулировании оно не просто должно признаваться возможным, а и порождает социальные обязанности государ-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20.04.2023 № 756-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности части 9 статьи 55 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" в связи с жалобой граждан Австралии А. К. и Д. К.» // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

ства перед ребёнком, который был зачат после смерти своего родителя.

Конституционный Суд РФ особо подчёркивает сложность данного вопроса с точки зрения этики, морали и обращает внимание, что законодатели различных стран принципиально по-разному подходят к самой возможности использования половых клеток умерших для зачатия детей (вплоть до полного запрета), а также дифференцированно регулируют отношения с участием детей, рождённых спустя значительное время после смерти лиц, чьи половые клетки использованы для зачатия. Однако в России данные вопросы остаются не урегулированными.

В. В. Саркисян обращает внимание, что «криоконсервация эмбрионов и хранение половых клеток закреплены как в ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, так и в подзаконных актах Минздрава, вместе с тем посмертная репродукция в Российской Федерации, в отличие от Великобритании, США, Нидерландов, Новой Зеландии, Бельгии, Израиля, Испании и Кыргызстана, законодательно не урегулирована. Право на продолжение рода считается естественным правом человека, поэтому указанные выше правовые порядки признают репродуктивные интересы умерших, но посмертное зачатие допускается только при наличии явного намерения погибшего.

Отечественному законодателю необходимо поставить точку в имеющихся дискуссиях, определить способ выражения воли, продолжительность хранения биоматериалов, правовое положение детей, рождённых таким способом, поскольку уже есть судебная практика, отказывающая в праве на зачатие в случае гибели одного из супругов и допускающая уничтожение эмбрионов» [11, с. 10].

Следующий вопрос, на который следует обратить внимание, связан с возникновением и реализацией репродуктивного права стать родителем посредством использования суррогатного материнства. Важной составляющей здесь является необходимость получения согласия от суррогатной матери быть записанными в качестве родителей ребёнка.

Так Семейный кодекс РФ закрепляет, что «лица, состоящие в браке между собой, если одно из них или оба являются гражданами Российской Федерации на момент заключения договора о вынашивании и рождении ребёнка (договора суррогатного материнства), или одинокая женщина, имеющая гражданство Российской Федерации на момент заключения договора о суррогатном материнстве, давшие своё согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребёнка, могут быть записаны родителями ребёнка только с согласия женщины, родившей ребёнка (суррогатной матери)» (ч. 6 ст. 51 СК РФ)¹. В науке подчёркивается, что данная норма периодически (и достаточно настойчиво) оспаривается как неконституционная генетическими родителями – заказчиками, которым было отказано в записи о родительстве и передаче ребёнка суррогатной матерью [13, с. 19].

Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая вопросы, связанные с данной моделью правового регулирования, пришёл к выводу, что она является допустимой, хотя и не единственно возможной². Вместе с тем в другом своём решении Конституционный Суд РФ отметил, что данные правовые нормы подлежат применению с учётом разъяснения, содержащегося в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», и позволяют судам в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями генетических родителей рождённого ею ребёнка, учитывая все фактические обстоятельства

¹ Российская газета. 1996. № 17.

² Напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС Консультант Плюс.

конкретного дела, в т. ч. связанные с тем, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребёнка, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребёнка, и руководствуясь положениями ст. 3 Конвенции о правах ребёнка, разрешить спор в интересах ребенка¹.

Заключение

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что репродуктивные права неоднородны по своей правовой природе. Часть репродуктивных прав необходимо относить к правам абсолютным и неотчуждаемым, подлежащим гарантированию и защите исходя именно из их естественной природы (право на продолжение рода, право на репродуктивный выбор). Права такого рода учёные и практики связывают с провозглашённым правом на неприкосновенность частной жизни.

Другая составляющая репродуктивных прав также связана с естественными при-

тязаниями человека на продолжение рода или с возможностью иного репродуктивного самоопределения, и, как правило, является производной от права на охрану здоровья. В отношении данных прав государство обладает достаточно большой дискрецией в осуществлении правового регулирования, в т. ч. с учётом его возможностей. Важным является при этом соблюдение базовых принципов недискриминации, соразмерности и пропорциональности ограничения прав.

Конституционный Суд РФ к настоящему времени выработал отдельные значимые позиции по вопросам репродуктивных прав. Как отмечал председатель Конституционного Суда РФ, перед конституционной юстицией в будущем будут ставиться всё новые и новые вопросы, связанные с данным блоком прав [8, с. 89]. Принципиально важно, с учётом мнения научного сообщества и с опорой на практику КС РФ, выработать единые подходы к определению природы репродуктивных прав, их гарантирования государством, степени возможного вмешательства в их реализацию и к их защите.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистрова Е. В. Особенности правового регулирования посмертных репродуктивных программ в России // Современное право. 2024. № 4. С. 79–82.
2. Репродуктивные права человека: понятие, правовая природа, сущность / Д. Г. Василевич, С. В. Потапенко, В. В. Гончаров, М. С. Савченко // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 149–152.
3. Колесова Н. С. Права человека и демографические процессы. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.
4. Крусс В. И. Медицинское право, конституционное правопользование и соматические притязания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 8–18.
5. Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребёнка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 72–94.
6. Троицкая А. А., Шевченко О. С. Вспомогательные репродуктивные технологии: неочевидные пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 1. С. 163–183.
7. Шатилина А. С. Конституционно-правовое измерение репродуктивного здоровья: terra incognita? // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 51–57.
8. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб., 2024. 352 с.
9. Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 624 с.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

10. Конституционные права в России: судебная практика и сравнительные материалы: учебное пособие / Е. В. Гриценко, А. В. Должиков, И. А. Дудко и др. М.: Центр конституционных исследований, 2024. 582 с.
11. Саркисян В. В. Постмортемные интересы: правовые основы и виды // Наследственное право. 2024. № 4. С. 9–12.
12. Велиева С. М. Правовое регулирование репродуктивных прав как разновидности соматических прав человека // Современное право. 2024. № 11. С. 80–84.
13. Тарусина Н. Н. Об актуальных вариациях конструкции согласия в семейно-правовой сфере // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 18–21.

REFERENCES

1. Burmistrova, E. V. (2024). Legal Regulation Features of Posthumous Reproductive Programs in Russia. In: *Modern Law*, 4, 79–82 (in Russ.).
2. Vasilevich, D. G., Potapenko, S. V., Goncharov, V. V., Savchenko, M. S. (2025). Reproductive Rights: Concept, Legal Nature, and Essence. In: *Law and State: The Theory and Practice*, 1, 149–152 (in Russ.).
3. Kolesova, N. S. (2020). *Human Rights and Demographic Processes*. Moscow, Norma publ., INFRA-M publ. (in Russ.).
4. Kruss, V. I. (2023). Medical Law, Constitutional Exercise, and Somatic Rights. In: *Constitutional and Municipal Law*, 4, 8–18 (in Russ.).
5. Posadkova, M. V. (2022). The Future is Already Here: On the Constitutional Nature of the Reproductive Right to Give Birth Using Assistive Technologies. In: *Comparative Constitutional Review*, 6, 72–94 (in Russ.).
6. Troitskaya, A. A. & Shevchenko, O. S. (2025). Assisted Reproductive Technologies: Non-Obvious Limits of Protection. In: *Comparative Constitutional Review*, 1, 163–183 (in Russ.).
7. Shatilina, A. S. (2021). Constitutional and Legal Dimension of Reproductive Health: Terra Incognita? In: *Constitutional and Municipal Law*, 3, 51–57 (in Russ.).
8. Zorkin, V. D. (2024). *Lectures on Law and the State*. St. Petersburg (in Russ.).
9. Varlamova, N. V. (2024). *Human Rights: Theoretical Justification and Legal and Dogmatic Concretization*. Moscow: Institute of State and Law publ. (in Russ.).
10. Gritsenko, E. V., Dolzhikov, A. V., Dudko, I. A., et al. (2024). *Constitutional Rights in Russia: Judicial Practice and Comparative Materials*. Moscow: Centre for Constitutional Studies publ. (in Russ.).
11. Sargsyan, V. V. (2024). Post-Mortem Interests: Legal Foundations and Types. In: *Inheritance Law*, 4, 9–12 (in Russ.).
12. Veliyeva, S. M. (2024). Legal Regulation of Reproductive Rights as a Kind of Somatic Rights. In: *Modern Law*, 11, 80–84 (in Russ.).
13. Tarusina, N. N. (2024). On Current Construction Variations of the Consent in the Family Legal Sphere. In: *Family and Housing Law*, 5, 18–21 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макеева Юлия Касимовна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева;
e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia K. Makeeva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;
e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318